

К тому времени, как машина доехала до жилого комплекса отца, было почти семь. Время было выбрано удачно: не слишком рано и не слишком поздно, чтобы не пришлось терпеть лицемерие. Машина заглохла, и отопление отключилось. Телефон издал звук «дзынь»: пришло сообщение от А Юаня с какими-то обыденными словами. Чжун Кайфань почувствовал тепло в сердце и сразу отправил голосовое:

— Всё в порядке, работай спокойно, я жду тебя.

Сказав это, он перевёл телефон в беззвучный режим, открыл дверь и направился к входной двери.

Дверь была приоткрыта, и ещё не войдя в дом, Чжун Кайфань услышал голос Чжун Цзымина:

— Дядя, отличный у вас чайный сервиз.

Чжун Динхэн ответил расслабленно, с лёгкой улыбкой:

— Ничего особенного, понравился — забирай.

В воздухе витала приятная атмосфера.

Заметив, что свет на датчике движения загорелся, А Мэй выглянула наружу, её глаза загорелись:

— Кайфань приехал? — Она тут же повернулась и радостно крикнула:

— Господин Чжун, Кайфань пришёл!

С этими словами она поспешила втянуть Кайфаня внутрь, её лицо сияло искренней улыбкой, но в поведении чувствовалась некоторая растерянность. Чжун Кайфань заметил, что А Мэй была слишком уж радушной, хотя раньше он не замечал за ней такой горячности.

Увидев, что в руках Кайфана был подарочный набор, А Мэй поспешно вытерла руки, словно боясь запачкать его:

— Зачем подарки, ты же дома?

— Брат, — Чжун Цзымин подошёл спокойно, взгляд скользнул по матери, голос был тихим, с ноткой убеждения:

— Это братово внимание, не вмешивайся.

С этими словами он естественно взял коробку и аккуратно поставил её на тумбу в прихожей.

Он вёл себя так, словно был хозяином дома, что вызвало у Чжун Кайфаня лишь усмешку.

Чжун Кайфань незаметно огляделся, чувствуя, что сегодняшняя оживлённость чем-то странна. На окнах висели ярко-красные бумажные узоры, и даже его мачеха Чэнь Ли, чьи руки обычно не касались кухонных дел, сегодня сама готовила. Её голос доносился из кухни:

— Лао Чжун, накрой на стол.

Вскоре в поле зрения появилась знакомая фигура. Чэнь Ли была одета в длинное платье серо-бежевого кашемира, только что сделанная укладка собрана в низкий хвост, и на первый взгляд

она казалась даже мягче.

Если бы Чжун Кайфань не видел собственными глазами, как Чэнь Ли теряла рассудок, он мог бы поверить в эту идиллическую картинку семейного счастья.

Чжун Кайфань сдержал эмоции, увидев, как отец подходит к нему, и почтительно произнёс:

— Папа.

— Проходи, садись, — Чжун Динхэн был одет в бежевый свитер с круглым вырезом, выглядел он бодро, лицо расслаблено, руки сложены за спиной, и он уверенно направился к столовой.

Блюда постепенно подавали на стол, в доме всё ещё стоял старый круглый стол. Чжун Кайфань сел напротив отца, а Чжун Цзымин занял место слева от Чжун Динхэна. Когда последнее блюдо — суп из свиных рёбер с корнем лотоса — оказалось на столе, Чэнь Ли тоже села и позвала из кухни:

— Сестрёнка, иди к столу!

А Мэй замялась:

— Я... я не буду садиться, я поем тут, сбоку.

Чжун Кайфань заметил, как Чжун Цзымин слегка нахмурился, а пальцы крепче сжали палочки для еды. Вспомнилось, как А Мэй привезла Чжун Цзымина в Пекин более десяти лет назад, сразу же обратившись к своей сестре Чэнь Ли. Она быстро решила вопросы с пропиской ребёнка и даже сменила фамилию.

Кайфань помнил, как А Мэй жаловалась отцу, что её муж был бессердечным, бросил её с ребёнком и сбежал. Она, женщина без поддержки, могла рассчитывать только на свою сестру Чэнь Ли, и была готова на всё, лишь бы не давать ребёнку страдать.

Чжун Динхэн был человеком чести, и в те годы, при его возможностях, сделать это было не трудно.

Эта А Мэй была удивительной женщиной. Несмотря на простую внешность, которая сильно отличалась от её сестры, она была очень умной. С тех пор как А Мэй появилась в доме Чжун, она усердно работала, поддерживая идеальный порядок, и, будучи южанкой, готовила превосходно.

Она была трудолюбивой, скромной и расторопной, и Чжун Динхэн не мог придаться к ней ни в чём. Со временем он привык к её присутствию.

После того как Кайфань поступил в старшую школу, он приезжал домой только на выходные, и А Мэй готовила для него, Чжун Цаня и Цзымина. Те спокойные дни пролетели незаметно.

Хотя Кайфань не любил свою мачеху Чэнь Ли, А Мэй была трудолюбивым человеком, который заботился о нём много лет, став почти родней.

— Да, дети вернулись, давайте устроим семейный ужин, — Чжун Динхэн переплёл пальцы, в улыбке сквозила едва заметная грусть, виски уже седали, скрывая следы времени.

Чжун Кайфань почувствовал, как слово «семейный» режет слух. Справа от него пустовало место, где раньше сидел Чжун Цань.

В этот момент Чжун Цзымин встал, придвинул стул к себе и пригласил свою мать А Мэй сесть, тихо сказав:

— Мама, дядя сказал, чтобы ты села.

А Мэй поспешно замахала руками:

— Это неудобно! — Она кивнула в сторону стола. — Иди скорее, не обращай на меня внимания.

Неизвестно почему, но Чжун Кайфаню эта трогательная сцена причинила боль. Хотя он всегда недолго любил Чжун Цзымина, он не мог не признать, что тот был образцовым сыном для своей матери: почтительным, заботливым и выносливым.

Глаза Чжун Цзымина покраснели, он тихо уговаривал:

— Иди, не заставляй всех ждать.

А Мэй наконец согласилась и послушно пошла за сыном.

В столовой свет был тёплым и мягким. Чэнь Ли заранее декантировала вино и собиралась налить каждому, но Чжун Кайфань прикрыл бокал рукой, улыбаясь мягко:

— Сегодня за рулём.

Чэнь Ли убрала руку, улыбка стала немного суховатой:

— Точно, я забыла.

Она взяла бутылку фруктового напитка и всё же налила Кайфаню:

— У твоего отца здоровье неважно, он может только суп, а вы, молодые, поднимите бокалы, повеселитесь.

Чжун Цзымин поддержал момент и сразу поднял свой бокал:

— Спасибо, тётя.

— Не за что, — Чэнь Ли налила племяннику сока, в глазах блестели слёзы, в голосе звучала забота старшего:

— Чувствуйте себя как дома, не стесняйтесь!

— Ага, — отозвался Чжун Цзымин.

При мягком свете Чжун Кайфань разглядел мачеху. В его воспоминаниях Чэнь Ли была красивой женщиной. Прожив много лет в роскоши семьи Чжун, она знала толк в уходе за собой. Но сегодня в уголках глаз застряли сухие морщинки, появились круги под глазами, всё лицо казалось обезвоженным — словно она мгновенно постарела лет на десять.

Чжун Динхэн внимательно наблюдал за выражением лица сына и не выдержал:

— Чего это ты? Дом родной не узнаёшь? Глазами так хлопаешь, с самого входа молчишь, что высмотрел?

Хотя слова были обычными, та слабая теплота в воздухе исчезла. Чжун Кайфань очнулся, сейчас он не хотел спорить с отцом, просто опустил глаза и сказал:

— Ничего, просто давно не был здесь.

Чжун Динхэн посмотрел на Кайфаня с глубоким смыслом, голос смягчился:

— Ешь.

В гостиной телевизор издавал громкую музыку, Чжун Кайфань был рассеян, время от времени отвечая на вопросы отца. Этот новогодний ужин был скорее формальностью, чем праздником, просто заседание в другом формате.

Однако Чжун Кайфань был удивлён: отец точно знал о махинациях Чжун Цзымина в компании, но всё равно держал его рядом и доверял ему важные проекты, которые требовали одобрения Цзымина.

Заметив, что атмосфера стала прохладной, А Мэй поспешила положить Кайфаню начинённый лотос, лицо сияло простой и угодливой улыбкой:

— Кайфань, кушай...

Её палочки ещё зависли в воздухе. Чжун Кайфань словно обожгло, сердце наполнилось сложным горячим чувством. Вспомнив, как А Мэй заботилась о нём всё это время, он почувствовал ком в горле. Слова застряли в горле, и он лишь тихо поблагодарил.

Чжун Цзымин заметил, что до конца ужина Чжун Кайфань так и не притронулся к этому кусочку лотоса.

После еды отец позвал Кайфана наверх.

Чжун Цзымин последовал за матерью на кухню, видя, как она методично складывает посуду в раковину и открывает кран. Он не выдержал, нахмурившись:

— Разве у нас нет посудомоечной машины?

Чжун Цзымин, одетый в костюм, тут же снял пиджак, закатал рукава и встал рядом с матерью:

— Я помою.

А Мэй начала его выпроваживать:

— Что ты делаешь? Твои руки для больших дел, а не чтобы крутиться у плиты, выходи, выходи!

У Чжун Цзымина покраснели глаза:

— Мама!

<http://bllate.org/book/16849/1550836>